

Каин и Артем. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Каин и Артем. Максим Горький

Каин был маленький юркий еврей, с острой головой, с жёлтым худым лицом; на скулах и подбородке у него росли кустики рыжих жёстких волос, и лицо смотрело из них точно из старой, растрёпанной плюшевой рамки, верхней частью которой служил козырёк грязного картуза.

Из-под козырька и рыжих, точно выщипанных бровей сверкали маленькие серые глазки. Они очень редко останавливались подолгу на одном предмете, но всегда быстро бегали из стороны в сторону и всюду сеяли улыбки – робкие, заискивающие, льстивые.

Каждый, кто видел эти улыбки, сразу понимал, что основное чувство человека, который так улыбается, – боязнь пред всеми, боязнь, через секунду готовая повыситься до ужаса. И поэтому каждый, если ему было не лень, усиливал злыми насмешками и щелчками это всегда напряжённое чувство еврея, пропитавшее собою не только его нервы, но, казалось, и складки парусиновой одежды, – она, облекая от плеч до пят его костлявое тело, тоже вечно трепетала.

Имя еврея было Хаим, но его звали Каин. Это проще, чем Хаим, это имя более знакомо людям, и в нём есть много оскорбительного. Хотя оно и не шло к маленькой, испуганной, слабосильной фигурке, но всем казалось, что оно вполне точно рисует тело и душу еврея, в то же время обижая его.

Он жил среди людей, обиженных судьбой, а для них всегда приятно обидеть ближнего, и они умеют делать это, ибо пока только так они могут мстить за себя. А обижать Каина было легко: когда над ним издевались, он только виновато улыбался и порой даже сам помогал смеяться над собой, как бы платя вперёд своим обидчикам за право существовать среди них.

Жил он торговлей, конечно. Он ходил по улицам с деревянным ящиком на груди и тонким голосом кричал:

– Вак-ша! Спичкэ! Булавкэ! Шпилькэ! Голантегей-ного товаг-у! Разный мьелкий товаг-у!

Ещё одна черта: уши у него были большие, оттопыренные, и они постоянно прядали, как у пугливой лошади.

Торговал он на Шихане, – в местности, где отложилась городская голь и рвань – разные "забракованные люди". Шихан – узкая улица, застроена старыми, высокими домами; в них помещались ночлежки, трактиры, хлебопекарни, лавки с бакалеей, старым железом и разной рухлядью; их населяли воры и приёмщики краденого, мелкие торгаши и торговки съестным. В этой улице всегда было много тени, много грязи и пьяных; летом в ней всегда стоял густой запах гниения и перегорелой водки. Солнце, точно боясь осквернить свои лучи грязью, только ранним утром осторожно и ненадолго заглядывало в эту улицу.

Она расположилась по склону горы, недалеко от берега большой реки, и постоянно была полна судорабочими, матросами с пароходов, крючниками. Они тут пьянствовали и наслаждались по-своему, и тут же, в укромных уголках, воры дожидались их опьянения. Около тротуаров улицы стояли корчаги торговки пельменями, лотки пирожников и торговцев "требухой". Толпы рабочего люда с реки жадно пожирали горячую пищу, пьяные дико пели песни и ругались, продавцы звонко зазывали покупателей, хваля свои товары; грохотали телеги, с трудом пробираясь сквозь группы людей, толпившихся в улице, покупающих или продающих, в ожидании работы или удачи. Хаос звуков вихрем носился в узкой канаве улицы, разбиваясь о грязные стены её зданий.

В этой канаве кипящей грязи, полной оглушающего шума и циничных речей, всегда шныряли и возились дети, – всех возрастов, но одинаково грязные, голодные и развращённые. Они бегали тут с утра до вечера, существуя за счёт доброты торговки и ловкости своих рук, а ночью спали где-нибудь в стороне под воротами, под ларём пирожника, в углублении подвального окна. С рассветом эти тощие жертвы рахитизма и скрофулёза уже были на ногах, чтобы снова воровать вкусные куски

Каин и Артем. Максим Горький gorkiymaxim.ru
пищи, выпрашивать негодные для продажи. Чьи это были дети? Всех...

В этой улице изо дня в день и бродил Каин, выкрикивая свои товары и продавая их женщинам улицы. Они занимали у него на несколько часов двугривенный с обязательством уплатить двадцать две копейки и всегда аккуратно платили. Вообще, у Каина были в улице большие дела: он покупал у загулявших рабочих рубахи, картузы, сапоги и гармоники, у женщин – юбки, кофты, грошовые украшения, потом променивал эти вещи или продавал их с гривенником барыша. И ежечасно подвергался насмешкам, побоям, а иногда его даже обирали. Он не жаловался на всё это, а лишь улыбался трагически кроткими улыбками.

Бывало, захваченный в одном из тёмных углов улицы двумя-тремя молодцами, доведёнными голодом или похмельем до готовности хоть на убийство, еврей, сбитый на землю кулаком или ужасом, сидел у ног своих грабителей и, трепещущий, судорожно роясь в карманах, умолял их:

- Господа-а! Добрые господа! Не берите всех... Как я буду торговать?

И худое лицо его всё дрожало от бесчисленных улыбок.

- Ну, не пищи! Давай только тридцать копеек...

Эти добрые господа хорошо понимали, что не следует вырывать у коровы всё вымя для того, чтоб достать молоко.

Случалось, он вставал с земли и шёл рядом с ними по улице, балагуря и улыбаясь; они тоже снисходительно разговаривали и посмеивались над ним, все держали себя просто и открыто. Каин после такого события казался ещё более худым и – только.

С кагалом он, должно быть, жил не в ладу. Очень редко видели его рядом с единоверцем, и всегда было заметно, что единоведец относится к Каину свысока и презрительно. Был в улице слух, будто бы на Каина наложен "херем", и одно время уличные торговки называли его проклятым.

Едва ли это было верно, хотя за Каином и водились несомненные признаки еретичества: он не соблюдал суббот и употреблял в пищу "некошерное" мясо. К нему приставали, прося и требуя объяснить, как он смел есть то, что запрещено его верой? Он сжимался в комок, улыбался и отшучивался или убегал, никогда ничего не рассказывая о вере и обычаях евреев.

Даже несчастные детишки этой улицы преследовали его, бросая ему в ящик и спину комья грязи, корки арбузов и всякую дрянь. Он старался остановить их ласковыми словами, но чаще убегал от них в толпу, куда они не шли за ним, боясь, что там их растопчут.

Так день за днём жил Каин, всем знакомый и всеми гонимый, торговал, дрожал от страха, улыбался, и вот – однажды судьба тоже улыбнулась ему...

В каждом уголке жизни есть свой деспот. На Шихане эту роль играл красавец Артём, колоссальный детина, с головой в густой шапке кудрявых чёрных волос. Эти мягкие волосы причудливыми кольцами сыпались ему на лоб, спускаясь до прелестных бархатных бровей и огромных карих глаз, продолговатых, всегда подёрнутых какой-то маслянистой влагой. Нос у него был прямой, антично правильный, губы красные, сочные, прикрытые большими чёрными усами; всё его круглое, чистое, смугловатое лицо было на диво правильно и красиво, глаза, подёрнутые туманом, очень шли к нему, как бы дополняя и объясняя его красоту. Широкогрудый, высокий и стройный, всегда с улыбкой на губах, он был на Шихане грозой мужчин и радостью женщин. Большую часть дня он проводил лёжа где-нибудь на солнечном припёке – массивный, ленивый, впивающий воздух и солнечный свет медленными вздохами, от которых его могучая грудь вздымалась высоко и ровно.

Ему было лет двадцать пять. Года три тому назад он явился в город с артелью крючников-промзинцев (Промзино – село Симбирской губ., откуда выходят на Волгу лучшие, то есть сильнейшие крючники. – М.Г.) и после навигации остался зимовать, поняв, что может и не работая приятно жить на средства своей силы и красоты. И вот с той поры он превратился из деревенского парня и крючника в любимца торговков пельменями, лавочниц и иных женщин Шихана. Этот род занятий позволял ему иметь пищу, водку и табак всегда, когда он желал; больше он ничего не умел

желать и – так жил.

Женщины ругались из-за него, дрались; на замужних сплетничали мужьям, мужья и возлюбленные жестоко били их, – Артём был равнодушен ко всему этому, он грелся на солнце, потягиваясь, как кот, и ждал, когда в нём зародится одно из немногих доступных ему желаний.

Обыкновенно он лежал на горе, в которую упиралась улица. Тут прямо перед собой он видел реку, за ней, вплоть до горизонта, широко расстилались луга, кое-где на их ровном зелёном ковре лежали серые пятна – это деревни. Там – всегда тихо, ясно, зелено... А повернув голову влево, он видел свою улицу от начала до конца, в ней кипела шумная жизнь; всматриваясь в её тёмную суету, он различал фигуры знакомых людей, слышал голодный рёв и, может быть, думал о чём-нибудь. Вокруг него, по горе, рос густой бурьян, торчали одиноко чахлые берёзы, обломанные кусты бузины, – тут золоторотцы переживали похмелье и играли в карты, чинили платье или отдыхали от работы и драк.

Среди них Артём был на дурном счету. Он неодолимо силён и часто озорничал, а потом очень уж легко он добывал свой хлеб. Это возбуждало зависть; и к тому же он редко делился с кем-либо своей добычей. Вообще товарищеские чувства в нём были не развиты, и он не тяготел к общению с людьми. Если к нему приходили и начинали говорить с ним, он отвечал охотно, но сам не начинал разговора; если у него просили денег на похмелье – он давал, но по собственному почину никогда не угощал знакомых. А среди них вошло в обычай каждую добытую копейку пропивать и проедать в компании.

Сюда, в кусты, к Артёму являлись посланники любви – в виде оборванной и чумазой девочки из улицы или такого же чумазого мальчика. Это очень юные люди, лет семи-восьми, редко – десяти, но они всегда проникнуты сознанием глубокой важности возложенного на них поручения, говорят они вполголоса, и на их рожицах мина таинственности...

– Дяденька Артём, тётка Марья велела тебе сказать, что муж у неё уехал, так чтобы ты сегодня нанял лодку да в луга бы с ней поехал...

– Та-ак, – лениво тянет Артём, и его прекрасные глаза мутно улыбаются.

– Непременно чтобы...

– Могу... А... вот что... это – какая она, тётка-то Марья?

– Лавочница, чай, – укоризненно говорит посланец.

– Лавочница... н-да? Это – которая рядом с железной лавкой?

– Чай, рядом-то с железной лавкой Анисья Николаевна... что уж!

– Ну-ну, я, брат, ведь знаю... Я ведь это так... Для шутки говорю!.. будто позабыл... а ведь я Марью знаю.

Но посланец не уверен в этом, он хочет хорошо исполнить своё поручение и действительно объясняет Артёму:

– Марья – это которая маленькая, румяная, рядом с рыбой...

– Ну-ну!.. которая рядом с рыбой. Вот! Чудашка ты!.. ведь я разве спутаю? Ладно, скажи ей, Марье, – еду. Едет, мол. Иди!

Тогда посланец корчит сладчайшую рожу и тянет:

– Дяденька Артём, дай копеечку!

– Копеечку? А коли нету её? – говорит Артём, засовывая обе руки разом в карманы своих шаровар. И всегда находит какую-нибудь монету. Радостно усмехаясь, посланец мчится возвестить влюблённой печёночнице об исполненном поручении и с неё тоже получить награду. Он знает цену денег и нуждается в них не только потому, что голоден, но и потому, что он курит папиросы, пьёт водку и имеет свои маленькие сердечные дела. На другой день после такой сценки Артём ещё более, чем

всегда, недоступен впечатлениям бытия и ещё более красив своей редкой красотой могучего, но смиренного животного. Так тянулось это сытое, почти бессознательное существование, спокойное, несмотря на множество ревнивцев, ревнивец и завистников, спокойное потому, что оно охранялось страшной силой Артёмова кулака.

Но иногда в карих глазах красавца сгущалось что-то грозное, тёмное; его бархатные брови сурово сдвигались, смуглый лоб разрезывала глубокая морщина. Он вставал и шёл из своего логовища в улицу, и чем ближе он подходил к её суете, тем более округлялись зрачки его глаз, чаще вздрагивали тонкие ноздри. На левом плече у него висит жёлтая куртка из крестьянского сукна, правое покрыто рубахой, и сквозь неё видно, какое это могучее плечо. Сапог он не любил и ходил всегда в лаптях; белые онучи, красиво перекрещенные оборами, рельефно обрисовывали икры ног. Шёл он медленно, как большая грозная туча...

Улица знает его повадки и уже по лицу видит, чего ей ждать от Артёма. Раздаётся предупреждающий шёпот:

- Артём идёт!..

Красавцу торопливо очищают дорогу, отодвигая в сторону лотки с товарами, корчаги с горячим, заискивающе улыбаются ему, кланяются... Он же идёт среди знаков внимания к нему и боязни пред его силой, идёт угрюмый, молчаливый, дико прекрасный, как большой зверь.

Вот его нога задевает за лоток с рубцом, печёнкой, лёгким - и всё это летит на грязную мостовую. Торговец отчаянно вскрикивает и ругается.

- А ты что стоишь на дороге? - спокойно, но зловеще спрашивает Артём.

- Какая тебе, быку, тут дорога? - воет торговец.

- А ежели я тут хочу идти?

Под скулами Артёма вздуваются большие желваки, и глаза у него - как раскалённые докрасна гвозди. Торговец видит это и бормочет:

- Узка тебе улица-то...

Артём медленно двигается дальше. Торговец идёт в трактир, берёт там кипятку, моет в нём свой товар и через пять минут снова кричит на всю улицу:

- Пичонка, лёшко, сердце горяче! Матрос! Иди на почине - язык отрежу! Тётка, купи горло! Кому нужно сердце горяче? Пичонка, лёшко!

Волнуется гул голосов и тяжёлый запах гнили, водки, пота, рыбы, дёгтя, луку.

Люди расхаживают по мостовой, мешая двигаться лошадям, кричат, торгуются, смеются. Высоко над ними - голубая лента неба, мутная от пыли и грязи, поднятой на воздух этой улицей, в которой даже тени от домов кажутся сырыми и пропитанными грязью...

- Голантегейного товаг-у! Ниткэ! Иголкэ! - возглашает Каин, следя за Артёмом, страшным для него более, чем для других.

- Пирог со грушай, покупай да кушай! - звонко заливается молодая пирожница.

- Луку, зелёного луку-у!.. - вторит ей другая.

- Ква-ас! Ква-ас! - сипло квакает низенький и толстый старик с красным лицом, сидя в тени кадки своего товара.

А человек, известный в улице под странным прозвищем Драного Жениха, продаёт какому-то судорбочему грязную, но крепкую рубаху со своего плеча и убедительно кричит ему:

- Ду-убина! Где ты купишь за двугривенный такую парадную вещь? Ведь в такой рубахе купчиху сватать можно! С миллионами, - чё-орт!

Вдруг сквозь общий дикий, но гармоничный рёв и вой прорезывается звенящая нота детского голоса:

- Подай-те, Хри-ста ра-ди, копе-ечку... си-ро-те оди-нокому... ни отца нету, ни матери...

Странно и чуждо всему звучит в этой улице имя Христа.

- Артюша! Поди-ка сюда! - ласково восклицает бойкая солдатка Дарья Громова, торгующая пельменями. - Где ты пропадаешь? что нас забываешь?

- Много продала? - спокойно спрашивает Артём и лёгким толчком ноги опрокидывает её товар. Пельмени, жёлтые и скользкие, ползут по камням мостовой, и от них идёт пар, а Дарья, готовая драться, яростно кричит:

- Бесстыжие твои зенки! Гра-абитель! Как тебя земля-то носит, верблюд астраханский!

Над ней хохочут, - все знают, что она простит это Артёму.

А он всё так же медленно двигается дальше, толкая всех, налезая на людей грудью, наступая им на ноги. И впереди него быстро, как змея, ползёт предостерегающий шёпот:

- Артём идёт!

В этих двух словах даже тот, кто впервые слышит их, чувствует угрозу и уступает Артёму дорогу, осторожно поглядывая на мощную фигуру красавца.

Вот Артём встречает одного из знакомых босяков. Они здороваются, Артём так сжимает своей железной лапой руку знакомого, что тот кричит от боли и ругается. Тогда Артём сжимает ему пальцами плечо или как-нибудь иначе причиняет боль и молча, спокойно наблюдает, как человек стонет и охает под его рукой, задыхается от боли и шепчет:

- Пусти, палач!..

Но палач неумолим, как судья.

Каин тоже нередко попадал в жестокие руки Артёма, который играл им, как ребёнок букашкой.

Это своеобразное поведение силача называлось на Шихане "Артюшкин выход". Оно создавало ему массу врагов, но они не могли сломить его чудовищной силы, хотя и пробовали. Так однажды подобралась семеро здоровых молодцов, одобренные всей улицей, они решили поучить и усмирить Артёма. Двое из них очень дорого заплатили за эту попытку, остальные отделались легко. Другой раз лавочники - оскорблённые мужья - порядили знаменитого городского силача-мясника, не раз выходившего победителем из борьбы с атлетами-циркистами. Мясник взялся за крупное вознаграждение избить Артёма до полусмерти. Их свели, и Артём, никогда не отказывавшийся драться "по охоте", вышиб мяснику руку из ключицы и ударом "под душу" уложил его на месте без сознания. Это ещё выше подняло престиж Артёмовой силы и, конечно, ещё более создало ему врагов.

А он по прежнему продолжал свои "выходы", сокрушая всё и всех на своём пути. Какие чувства выражал он так? Быть может, это была месть городу и порядкам его жизни со стороны человека полей и лесов, оторвавшегося от своей почвы; быть может, он смутно чувствовал, как город губит его, заражая своим ядом его тело и душу, и, чувствуя это, он так боролся с роковой силой, порабовавшей его. Его "выходы" заканчивались иногда в участке, где полиция относилась к нему лучше, чем к другим людям из Шихана, удивляясь его баснословной силе, забавляясь ею, зная, что он - не вор и не способен быть вором - глуп для этого. Но чаще после "выхода" Артём шёл в какой-нибудь притон, и там его брала на своё попечение одна из женщин, влюблённых в него. После своих подвигов он был мрачен и капризен, в глазах у него сгушалось что-то дикое, и неподвижностью своей физиономии он походил на идиота. Какаянибудь промасленная до костей торговка, ядрёная баба бальзаковского возраста, ухаживала за ним с видом собственницы этого зверя и с

Каин и Артем. Максим Горький gorkiymaxim.ru
чувством страха перед ним.

- Может, пивка заказать ещё пару, Артюша? Али наливочки какой? А покушать ты не желаешь ли чего? И чтой-то ты у меня сегодня такой неудалой...

- Отвяжись!.. - глухо говорил Артём, и она на несколько минут переставала суетиться около него, а потом снова принималась спаивать красавца, ибо она уже знала, что трезвый Артём был скуп на ласки.

И вот судьбе, часто слишком шутливой, угодно было, чтобы этот человек и Каин столкнулись.

Случилось это так.

Однажды после "выхода" и обильной пирушки, сопровождавшей его, Артём со своей дамой, пошатываясь, шёл к ней в гости узким и пустынным переулком подгородной слободки. Его ждали тут. Несколько человек бросились на него и тотчас же сбили его с ног. Ослабленный вином, он защищался плохо, и тогда эти люди чуть ли не в продолжение целого часа вымещали на нём бесчисленные обиды, понесённые ими от него. Спутница Артёма убежала, ночь была темна, место пустынно, - у них были все удобства для полного расчёта с Артёмом, и они действовали, не щадя своих сил. А когда, уставшие, они кончили, на земле лежало два неподвижных тела: одно - красавца Артёма, а другое - человека, имя которому было Красный Козёл.

Посоветовавшись, что им делать с этими телами, молодцы решили: Артёма спрятать под разбитую ледоходом беляну, лежавшую на берегу реки кверху дном, а Красного Козла взять с собой.

Когда Артёма потащили по земле к берегу, он очнулся от боли, но, догадавшись, что положение мёртвого теперь для него выгоднее, молчал, сдерживая боль. Его тащили, ругали и хвастались друг перед другом ударами, нанесёнными силачу. Артём слышал, как Мишка Вавилов говорил товарищам, что он всё норовил бить Артёма пинками под левую лопатку, чтобы разорвалось сердце. А Сухоплюев рассказывал, что он бил всё по животу, потому что, если испортить человеку кишки, еда ему не пойдёт на пользу, и сколько бы он ни ел - силы у него не будет. Ломакин тоже заявил, что он два раза вспрыгивал ногами на живот Артёму. Так же блистательно отличились и все другие, о чём они, хвастаясь, говорили всё время, пока не пришли к беляне и не засунули под неё Артёма. Он слышал все их речи и слышал, как они, уходя, единогласно решили, что теперь уже ему, Артёму, не встать на ноги.

Вот он остался один, во тьме, на куче сырого мусора, набросанного под беляну в половодье волнами реки. Ночь была свежая, майская, и эта свежесть то и дело возвращала Артёму сознание. Но когда он пробовал сползти к реке, то снова падал в обморок от страшной боли во всём теле. И снова приходил в себя, терзаемый болью, томимый страшной жаждой. Река как бы дразнила его бессилие, тихо плескаясь о берег, где-то тут, близко к нему. Всю ночь он провёл в этом положении, боясь стонать и двигаться.

Но однажды, очнувшись, он почувствовал, что с ним случилось что-то хорошее, очень облегчившее его боли. Он с трудом мог открыть один глаз и едва шевелил разбитыми, опухшими губами. Был день, потому что через щели барки проникали под неё лучи солнца, они создали вокруг Артёма мглу. Потом кое-как он поднял руку к лицу и ощупал на нём мокрые тряпки. Тряпки же лежали на груди у него и на животе. Он был совершенно раздет, и холод уменьшал его муки.

- Пить бы! - выговорил он, смутно догадываясь, что около него должен быть кто-то. Дрожащая рука протянулась через его голову и сунула в рот ему горлышко бутылки. Бутылка плясала в руке подававшего её, била Артёма по зубам. Выпив воды, Артём захотел узнать, кто тут около него, но попытка повернуть голову не удалась ему, вызвав боль в шее. Тогда, хрипя и заикаясь, он начал говорить:

- Водки... в нутро бы стакан... И снаружи вытереть... Тогда бы я.... встал, чай...

- Вста-ать? Вы не можете встать. Вы же весь синий и пухлый, как утопленник... А водка - это можно, водка есть... я имею целую бутылку водки...

Говорили тихо, робко и очень быстро. Артём знал этот голос, но не помнил, кому он принадлежит, – которой из женщин.

– Давай, – сказал он.

И опять кто-то, очевидно избегавший его глаз, протянул ему бутылку сзади через голову. Артём, с усилием глотая водку, смотрел одним глазом в сырое и чёрное днище беляны, поросшее грибами.

Отпив более четверти бутылки, он вздохнул глубоко и облегчённо и с хрипом в груди заговорил слабым голосом, лишённым оттенков:

– Чисто меня отделали... Но погоди... встану я! Тогда – держись...

Ему не отвечали, но он слышал шорох – точно кто-то отскочил от него – и затем стало тихо, только волны плескали да где-то далеко пели "дубинушку" и ухали. Пронзительно взвизгнул свисток парохода, взвизгнул, оборвался и через несколько секунд мрачно загудел, точно навсегда прощался с землей... Артём долго ждал отклика на свои слова, но под беляной было тихо, и её тяжёлое днище, пропитанное зеленоватой гнилью, качалось над его головой, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, точно желая с размаха упасть и раздавить его насмерть.

Артёму стало жалко себя. Он проникся ясным сознанием своей почти детской беспомощности, и вместе с тем ему стало обидно за себя. Его, такого сильного, такого красивого, так изувечили, обезобразили!.. Слабыми руками он начал ощупывать ссадины и опухоли на лице и груди у себя, а потом с горечью выругался и заплакал. Он всхлипывал, шмыгал носом, ругался и, еле двигая веками, выжимал слёзы, наполнявшие его глаза. Они, крупные и горячие, лились по его щекам, текли ему в уши, и он чувствовал, что от слёз внутри его как бы что-то прочищается.

– Ладно!.. Погодите!.. – бормотал Артём сквозь рыдания.

И вдруг услышал, что где-то близко и точно передразнивая его – тоже раздаются заглушаемые рыдания и шёпот.

– Кто это? – грозно спросил он, хотя ему было страшно чего-то.

Ему не ответили на вопрос.

Тогда, собрав все силы, Артём повернулся на бок, зверем зарычал от боли, приподнялся на локти и увидел во мгле маленькую фигурку, сжавшуюся в комок у борта беляны. Обняв свои колени длинными и тонкими руками, этот человек прижал к ним голову, а его плечи дрожали; Артёму показалось, что это подросток-парнишка...

– Иди сюда!

Тот не послушался, продолжая трястись, как в лихорадке. У Артёма от боли и страха пред этой фигурой помутилось в глазах, и он завыл:

– Иди-и!

В ответ ему посыпался целый град дрожащих, торопливых слов:

– Что же я вам сделал худого? За что вы на меня кричите? Разве я не вымыл вас водой, и не напоил, и не дал вам водки? Не плакал я, когда вы плакали, и не было, больно мне, когда вы стонали? О бог мой и господь мой! Даже и доброе моё только муки несет мне! Что я сделал худого душе вашей или телу вашему? Что могу я сделать вам худого – я! я! я!

И, оборвав свою речь тремя воплями, этот человек замолчал, схватился за голову руками и стал раскачиваться из стороны в сторону, сидя на земле.

– Каин? Это... ах, ты!

– Ну и что?

– Ты? Ну-у! Всё это – ты? А-яй! Ты поди сюда. Ну, – чужак ты!

Артём растерялся от неожиданности и вместе с тем почувствовал, что в нём вспыхнула какая-то радость. Он засмеялся даже, когда увидал, как еврей на четвереньках робко ползёт к нему и как боязливо мигают маленькие глазки на смешном лице, знакомом Артёму.

- Смело иди! Ей-богу, не трону! - счёл он нужным ободрить еврея.

Каин подполз к его ногам, остановился и стал смотреть на них с такой боязливой и просительной улыбкой, точно ждал, что они растопчут его истощённое страхом тело.

- Ну!.. вот так ты! и всё это ты делал? Кто тебя прислал - Анфиса? допрашивал Артём, едва ворочая языком.

- Я сам пришёл!

- Са-ам? Врёшь!

- Я не вру, не вру! - быстро зашептал Каин. - Я сам пришёл пожалуйста, поверьте мне! Я расскажу, как я пришёл. Вот слушайте, - я узнал об этом в Грабиловке... Я пью чай и слышу: Артёма ночью забили до смерти. Я не верю - пхэ! Разве можно вас и забить до смерти? Я посмеиваюсь себе. "О, думаю, глупые люди! Этот человек - как Сампсон, кто из вас может одолеть его?" Но они всё приходят и говорят: забили, забили! и ругают вас, и смеются... Все рады... и я поверил. И узнал, что вы - тут... Уже приходили сюда смотреть на вас и говорили, что мёртвый вы... Я пошёл и пришёл, и увидел вас... вы стонали. Я думал, видя вас, - самого сильного человека в свете - вот убили его!.. Такая сила, такая сила. Мне стало - извините жалко вас! Я подумал, что нужно омыть вас водой... и сделал так, а вы от этого стали оживать... Я обрадовался этому... ох, как я рад был этому... вы не верите мне, да? Потому что - я жид? да? Но нет, вы поверьте... я скажу вам, почему я обрадовался и что думал... я скажу правду... вы не рассердитесь меня?

- Вот те крест!.. убей меня гром! - с силой побожился избитый красавец.

Каин подвинулся ещё ближе к нему и ещё понизил свой голос.

- Вы знаете, как хорошо мне жить? Вы знаете это, да? Разве - извините я не терпел от вас побоев? И разве вы не смеялись над пархатым жидом? Что? Это - правда? А! Вы извините мне мою правду, вы поклялись. Не сердитесь! Я только говорю, что вы, как и все люди, гоняли жида... За что, а? Разве жид не сын бога вашего и не один бог дал душу вам и ему?

Каин торопился, бросал вопрос за вопросом, не ожидая ответов на них; в нём вдруг заклокотали все те слова, которыми он отмечал в своём сердце нанесённые ему обиды и оскорбления; ожили в нём все они и вот лились из его сердца горячим ручьём. Артёму было неловко перед ним.

- Слышь, Каин, - глухо сказал он, - брось это! Я тебя... ежели я тебя пальцем теперь трону... или кто другой - разобью в куски! Понял?

- Ага! - торжествуя, вскричал Каин и даже чмокнул языком. - Вот! Вы предо мной виноваты... извините! Не рассердитесь на меня за то, что знаете, что виноваты предо мной! Я говорю - виноваты, но ведь я знаю, о! я знаю, вы меньше других виноваты!.. Я понимаю это! Все они только на меня плюют своей скверной слюной, вы же - на меня и на всех их! Вы многих обижали хуже, чем меня... Я тогда думал: "Вот этот сильный человек бьёт и оскорбляет меня не за то, что я жид, а за то, что я, как все они, не лучше их и среди них несу свою жизнь..." И... я всегда со страхом любил вас. Я смотрел на вас и думал, что и вы можете разорвать пасть льва и избить филистимлян... Вы били их... и я любил смотреть, как вы делали это... И мне тоже хотелось быть сильным... но я - как блоха...

Артём хрипло засмеялся.

- Вот уж верно - как блоха!..

То, что говорил ему Каин, он почти не понимал, но ему было приятно видеть около себя маленькую фигурку еврея. И под возбуждённый полушёпот Каина в нём медленно слагались свои думы:

"Сколько теперь часов? Чай, поди-ка, около полудня. А ни одна, небось, не идёт навестить мила друга... А вот жид пришёл... помог, говорит - люблю, а я его обижал, бывало... Силу хвалит... Вернётся ли она? Господи, кабы вернулась!"

Тяжело вздыхая, Артём представлял себе своих врагов, избитых им и вот так же опухших, как он. И они так же, как он, будут валяться без сил где-нибудь... Но к ним придут свои, товарищи, а не жид...

Артём взглянул на Каина, и ему показалось, что у него в горле и во рту горько. Он сплюнул, тяжело вздохнул.

А Каин всё говорил, возбуждённый, с перекошенным от волнения лицом и вздрагивая всем телом.

- И когда вы заплакали - я тоже заплакал... Так жалко сделалось мне вашей силы...

- А я думаю, кто это дразнится?

- Я всегда любил вашу силу... И я молил бога: предвечный бог наш на небе и на земле и в выси небес отдалённых! Пусть будет так, что я буду нужен этому сильному человеку! Пусть я заслужу пред ним, и да обратится сила его в защиту мне! Пусть за нею я буду сохранён от гонений на меня, и гонители мои да погибнут от силы этой! Так я молился, и долго так просил я господя моего, пусть он создаст мне защитника из сильнейшего врага моего, как он дал в защитники Мард'охею царя, победившего все народы... И вот вы плакали, и я плакал... и вдруг вы закричали на меня, и молитвы мои пропали...

- Да разве я знал, - чудак ты, - виновато пробормотал Артём.

Но Каин едва ли слышал его слова. Он раскачивался, взмахивал руками и всё шептал страстным шёпотом, в котором звучали радость, и надежда, и обожание силы этого человека, и страх.

- Наступил мой день, и вот я один около вас... Все бросили вас, а я пришёл... Ведь вы выздоровеете, Артём? Это не опасно вам? И воротится к вам ваша сила?

- Подымусь... не крушись!.. А тебя за доброту буду беречь, как малого ребёнка...

Артём чувствовал, что понемногу ему становится лучше, - тело ноет меньше и в голове яснее. Нужно заступиться за Каина пред людьми - что, в самом деле? Вон он какой добрый и открытый, - прямо всё говорит, по душе. Подумав так, Артём вдруг улыбнулся - давно уже его томило какое-то неопределённое желание, и вот теперь он понял его.

- А ведь это я есть хочу! Ты бы, Каин, добыл чего поесть?

Каин вскочил на ноги так быстро, что едва не ударился о копани беляны. Лицо его положительно преобразилось: что-то сильное и вместе с тем детски ясное явилось в нём. Артём, этот сказочный силач, просит есть у него, Каина!

- Я сделаю вам всё, всё! Оно уже есть, вот тут, в углу!.. Я припас - я знаю! Когда кто болен, он должен есть... ну да! И я, когда шёл сюда, то истратил целый рубль.

- Сосчитаемся! Я те - десять отдам!.. Мне ведь это можно... Не свои у меня. Скажу - дай! - и даст...

Он добродушно засмеялся, а Каин при этом смехе ещё более просиял.

- Я знаю... Вы скажите, что вы хотите? Я всё сделаю, всё!

- А... уж коли так... вытри ты меня водкой! Есть не давай, а сначала вытри... можешь ты?

- А почему не могу? Как лучший доктор сделаю!

- Вали! Потрёшь меня, я и встану...

- Вста-анете? Ох, нет, не можете вы встать!

- Я те покажу, как не могу! Здесь, что ли, я ночевать-то буду? Чудила ты... А ты вот вытри меня, да и беги-ка в слободу к пирожнице Мокевне... И скажи ей, что я к ней в сарай переберусь на житьё... постлала бы там соломы, что ли! У неё я отлежусь... вот! За всё про всё я тебе заплачу... ты не сумлевайся!

- Я верю, - говорит Каин, наливая водки на грудь Артёма, - я верю вам больше, чем себе... Ах, я знаю вас!

- У-у! Три, три... Ничего, что больно... три, знай! А-а-а!.. Вот, вот, вот!.. - рычал Артём.

- Я пойду для вас и утоплюсь... - объяснялся Каин.

- Так, так, так... Плечо-то, плечо валяй... Ах, черти! А всё баба виновата. Не будь бабы, был бы я трезв... а к трезвому ко мне - сунься-ка!

Каин, входя в роль слуги, объявил:

- О, женщины! Это - все грехи мира... у нас, евреев, есть даже такая утренняя молитва: "Благословен ты, предвечный боже наш, царь вселенной, за то, что не сотворил меня женщиной..."

- Ну? Неужто? - воскликнул Артём. - Так-таки прямо и молитесь богу? Ишь ведь вы какие... Что же она, баба? Она только глупая... а без неё нельзя!.. Но чтобы так уж, даже богу молиться... это не тово... обидно ведь ей, бабе-то! Она тоже чувствует...

Он лежал неподвижный и огромный - ещё более увеличенный опухольями, а Каин, маленький, хрупкий, задыхаясь от усилий, возился около него, со всей силой растирая ему грудь, живот, возился и кашлял от запаха водки.

По берегу реки то и дело проходили люди, слышался говор, шаги. Беляна лежала под песчаным обрывом, более сажени высотой, и сверху её было видно только с самого края обрыва. От реки её отделяла узкая полоса песку, забросанная разным мусором. Под нею было ещё грязно. Но сегодня она возбуждала в людях большой интерес. Каин и Артём заметили, что около неё то и дело проходят, садятся на её дно, стучат ногами в борта... На Каина это дурно подействовало. Он перестал говорить и, молча ёрзая около Артёма, пугливо и жалобно улыбался.

- Вы слушаете?..

- Слышу, - довольно усмехнулся силач. - Понимаю... хотят сообразить, скоро ли я буду снова в силе... ведь им надо это знать... чтобы рёбра припасти свои... Черти! Обидно им, чай, что не издох я... Работишка-то их даром пропала...

- А знаете что? - зашептал ему на ухо Каин, с миной ужаса и предостережения на своём лице. - Знаете? Вот я уйду, и вы останетесь один... они тогда придут к вам и... и...

Артём раскрыл рот и выпустил из груди целый залп хриплого смеха.

- Ах ты - фигура! Так ты думаешь - это они тебя, что ли, боятся? Ах ты!..

- А! Но я могу быть свидетелем.

- Они тебе дадут тукманку... вот ты и свидетель!.. на том свете.

Страх Каина был разогнан смехом Артёма, и место страха в узкой груди еврея заняла твёрдая и радостная уверенность. Теперь его, Каинова, жизнь пойдёт иной чередой, теперь у него есть мощная рука, которая всегда отведёт от него удары людей, безнаказанно истязавших его...

Прошло около месяца.

Каин и Артем. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Однажды в полдень, – час, когда жизнь Шихана принимает особенно напряжённый характер, сгущается и вскипает, когда торговцев съестным окружают толпы пристанских и судовых рабочих с пустыми желудками и вся улица наполняется тёплым запахом варёного испорченного мяса, – в этот час кто-то вполголоса крикнул:

– Артём идёт!..

Несколько оборванцев, праздно толкавшихся в улице, ожидая случая чем-нибудь поживиться, быстро исчезли куда-то. Обыватели Шихана с тревогой и любопытством, искоса, исподлобья стали смотреть в ту сторону, откуда раздавалось предостережение.

Артёма давно ждали с глубоким интересом, горячо обсуждая, – каков-то он появится?

Как и раньше, Артём шёл среди улицы, шёл своей обыкновенной медленной походкой сытого человека, делающего прогулку. В его наружности не было ничего нового. Как всегда, пиджак висел у него на одном плече, картуз был надет набекрень... И чёрные кудри рассыпались по лбу, как всегда. Большой палец правой руки он заткнул за пояс, левая была глубоко засунута в карман шаровар, грудь богатырски выпячивалась вперёд. Только его красивое лицо стало как бы осмысленнее, – это всегда бывает после болезни. Он шёл и отвечал на приветствия и поклоны ленивыми кивками головы.

Улица провожала его тихим шёпотом изумления и восхищения пред несокрушимой силой, выдержавшей смертельные побои. Много было людей, говоривших об его выздоровлении со злобой: они презрительно ругали тех, что не сумели отбить лёгкие Артёму. Ведь не может быть такого человека, которого нельзя было бы изувечить до смерти!.. Другие с удовольствием строили предположения о том, как силач расправится с Красным Козлом и его товарищами. Но сила обаятельна тем более, чем крупнее она, и большинство находилось под влиянием Артёмовой силы.

Артём вошёл в Грабиловку – клуб Шихана.

Когда его высокая и мощная фигура встала на пороге трактира, в длинной и низкой комнате с кирпичным сводчатым потолком гостей было немного. При виде Артёма среди них раздались два-три восклицания, родилось суетливое движение, кто-то шарахнулся в дальний угол этого sklepa, сырого, прокопчённого дымом махорки, пропитанного грязью и плесенью.

Артём медленно обвёл глазами трактир и на ласковое приветствие буфетчика Савки Хлебникова ответил вопросом:

– Каин не был?

– Должен скоро быть... Его время близко...

Артём подошёл к столу у одного из окон, спросил чаю и, положив на стол свои громадные руки, равнодушно осмотрел публику. В трактире было человек десять; они сбились в кучу около двух столов и оттуда наблюдали за Артёмом. Когда глаза их встречали взгляд красавца, они заискивающе улыбались, очевидно, желая вступить в беседу с Артёмом, но тот смотрел на них тяжело и угрюмо. И все молчали, не решаясь заговорить с ним. Хлебников, взявшись за буфетом, напевал что-то под нос себе и лисьими глазами поглядывал вокруг.

С улицы в окна лился гулкий шум, влетали резкие ругательства, божба, выкрики торговцев. Где-то близко с дребезгом свалились бутылки, разбиваясь о камни мостовой. Артёму стало скучно сидеть в этом душном погребе...

– Ну, вы, волки, – вдруг громко и медленно заговорил он, – вы чего присмирели? Пялят зенки и молчат...

– Можем и говорить, ваша грозность! – сказал Дранный Жених, вставая и идя к Артёму.

Это был тощий человек в парусиновой куртке и солдатских штанах, лысый, остробородый, с маленькими красными глазами, ехидно прищуренными.

- Хворал ты, говорят? – спросил он, усаживаясь против Артёма.
- Ну?
- Ничего... Не видать было долго... Спросишь – а где Артём? Говорят, заболеть изволил...
- Так... Ну?
- Ещё – ну? Поедем дальше... Что у тебя болело-то?
- А ты не знаешь?
- Разве я тебя лечил?
- Всё врешь ведь, собака, – усмехнулся Артём. – И зачем врешь? Ведь знаешь правду?
- Знаю, – сказал Жених, тоже усмехаясь.
- Так чего же врешь-то?
- Стало быть, так умнее...
- Умнее. Эх ты!.. огарок!
- Да – ведь скажи тебе правду-то, так ты, пожалуй, рассердишься...
- Наплевать мне на тебя!
- И на том спасибо! А ты с выздоровлением водкой меня не угостишь?
- Спроси...

Жених спросил полбутылки водки и оживился.

- Экая у тебя жизнь лёгкая, Артём!.. Всегда есть деньги...
- Ну, так что?
- Ничего... Выручают тебя бабы, проклятые!
- А на тебя и не смотрят.
- Нам – где уж! У нас не такие ноги, чтобы ходить по твоей дороге, вздохнул Жених.
- Потому баба любит здорового человека. Ты что? А я – чистый человек...

В таком тоне Артём постоянно беседовал с золоторотцами. Его равнодушный, ленивый и густой голос придавал особую силу и тяжесть его словам, и всегда они были грубы, обидны. Быть может, он чувствовал, что эти люди во многом хуже его, но во всём и всегда умнее.

Явился Каин с ящиком своих товаров на груди, с жёлтым ситцевым платьем, переброшенным через левую руку. Сдавленный обычным ему чувством страха, он стал в дверях, вытянул шею и с беспокойной улыбкой оглянул внутренность трактира, но, увидев Артёма, весь просиял радостью. Артём смотрел на него и широко улыбался, шевеля губами.

- Айда ко мне! – крикнул он Каину и, обращаясь к Жениху, насмешливо приказал ему:
- А ты – пошёл прочь! Дай человеку место...

Рыжая, щетинистая рожа Жениха на момент одеревенела от удивления, он медленно поднялся со стула, посмотрел на товарищей, изумлённых не менее его, на Каина, бесшумно и осторожно подходившего к столу... и вдруг озлоблённо плюнул на пол:

- Тьфу!

После чего медленно и молча ушёл за свой стол, где тотчас же раздался глухой шёпот, в котором были ясно слышны ноты насмешки и злобы. Каин всё улыбался растерянно, радостно и в то же время искоса и с тревогой скашивал глаза в сторону обиженного жениха и его компании.

А Артём добродушно говорил ему:

- Ну, давай чай пить, что ли, купец... Пирога надо купить, - будешь пирог есть? Ты чего туда глядишь?.. А ты плюнь на них, не бойся... Ну-ка, вот я им проповедь скажу...

Он встал, движением плеч сбросил куртку на пол и подошёл к столу недовольных. Высокий и мощный, выпячивая вперёд грудь, разминая плечи и всячески рисуясь своей силой, он стоял перед ними с усмешкой на губах, а они, замерев в осторожных позах, молчали, готовые бежать.

- Ну, - начал Артём, - что вы урчите?

Ему хотелось сказать что-нибудь страшно сильное, но слов не было у него, и он остановился...

- Глаголь сразу! - махнул рукой Дранный Жених, скривив губы. - А то лучше отстань от нас во все четыре стороны, богова дубина!..

- Молчи! - повёл бровями Артём. - Озлился, - зазорно тебе, что я с жидом дружбу веду, а тебя прогнал... Я всем вам говорю, - он лучше вас, жид-то! Потому в нём доброта к человеку есть... а у вас нету её... Он только замученный... Вот теперь я беру его под свою руку... и ежели какая-нибудь кикимора обидит его - держись тогда! Прямо говорю - не бить, а мучить буду...

У него дико вспыхнули глаза, жилы на шее вздулись и ноздри задрожали.

- Что побили меня пьяного - это мне нипочём! Силы мне не убавили, только сердце пуще ожесточили... Так и знайте! За Каина, за всякое обидное слово ему - насмерть буду увечить. Так всем и скажите...

Он вздохнул во всю грудь, точно тяжесть с себя сбросил, и, повернувшись к ним спиной, пошёл прочь.

- Здорово пущено! - вполголоса воскликнул Дранный Жених и скорчил унылую рожу, глядя, как Артём усаживается против Каина.

Каин сидел за столом, бледный от волнения, и не отводил от Артёма расширенных глаз, полных чувства, неизъяснимого словами.

- Слышал? - строго спросил его красавец. - Вот... Так и знай, как кто заденет тебя, беги ко мне и говори. Я сейчас приду и развинчу ему кости...

Еврей бормотал что-то, - молился богу или благодарил человека. А Дранный Жених и его компания, пошептавшись друг с другом, один за одним стали выходить из трактира. Жених, проходя мимо стола Артёма, напевал себе под нос:

Кабы к моему уму

Прибавили денег тьму,

Ай, хорош бы я был,

Без просыпу я бы пил...

- и, взглянув в лицо Артёму, неожиданно закончил песню своими словами, скорчив рожу и в такт притопывая ногой:

Дураков бы всех скупил,

Да в Чёрном море утопил

Вот как!

- и быстро юркнул в дверь.

Артём выругался и оглянулся вокруг. В полутёмном, закопчённом и пахучем склепе осталось только трое людей – он, Каин против него и Савка за буфетом.

Лисьи глазки Савки встретились с тяжёлым взглядом Артёма, и длинное лицо его приняло выражение сладчайшего благочестия.

- Превосходно и великолепно поступил ты, Артём Михайлыч! – говорил он, поглаживая бороду. – Совсем по завету евангельскому... Как в притче о самарянине милосердном... Во гною и стружьях был Каин-то... А вот ты не побрезговал.

Артём слушал не его слова, а эхо их. Оно, отражаемое сводчатым потолком трактира, плавало в его пахучем воздухе и, густое такое, лезло в уши. Артём молчал и тихонько тряс головой, точно желая отогнать от себя эти звуки. А они всё плавали и вклёвывались в его уши, раздражая его. Было душно и скучно. Какая-то странная тяжесть легла на сердце Артёма.

Он упорно смотрел на Каина. Обжигаясь, дуя на блюдечко, еврей, наклонив голову, пил чай, и блюдечко тряслось в его руках. Иногда Артём ловил на своём лице скользкий взгляд Каина, и силачу от этого взгляда становилось ещё скучнее. Глухое чувство недовольства чем-то росло в его груди, глаза его темнели, он дико осматривался вокруг себя. В голове его, как жернова, ворочались думы без слов. Раньше они не посещали его, но вот во время болезни пришли. И не отходят...

Окна с железными решётками, в них льётся с улицы оглушающий шум. Тяжёлые массы камня висят над головой; липкий от грязи, покрытый сором кирпичный пол... И этот маленький, оборванный, запуганный человек... Сидит, дрожит, молчит... А в деревнях скоро косьба начнётся. Уже за рекой, против города, трава в лугах почти по пояс. И, когда оттуда пахнёт ветер, запахи приносит он заманчивые...

- Что ты молчишь, Каин? – недовольно заговорил Артём. – Али всё ещё боишься меня? Эх, растерянный ты человек!..

Каин поднял голову и странно закачал ею, а лицо у него было сконфуженное и жалкое.

- А что мне говорить? И каким мне языком говорить с вами? Этим, – еврей высунул кончик языка, показывая его Артёму, – которым я со всеми другими людьми говорю? Разве мне не стыдно с вами этим языком говорить? Вы думаете, я не понимаю, что вам тоже стыдно сидеть рядом со мной? Что я, и что вы? Вы, Артём, великая душа, вы – как Иуда Маккавей!.. Что бы вы сделали, если бы знали, зачем господь сотворил вас? А! никто не знает великих тайн творца, и никто не может угадать, зачем дана ему жизнь. Вы не знаете, сколько дней и ночей моей жизни думал я, зачем мне жизнь? Зачем дух мой и ум мой? Что я людям? Плевальница для ядовитой слюны их. А что мне люди? Гады, уязвляющие душу мою... Зачем я живу на земле? И зачем только несчастья знаю я... и в солнце нет луча для меня!

Он говорил эти слова страстным полушёпотом, и – как всегда в минуты возбуждения его страдавшей души – всё лицо его дрожало.

Артём не понимал его речи, но слышал и видел – что-то Каин жалуется. От этого Артёму стало ещё тяжелее.

- Ну вот, опять ты за своё! – с досадой мотнул он головой. – Ведь я же тебе сказал – заступлюсь!

Каин тихо и горько засмеялся.

- Как вы заступитесь за меня пред лицом бога моего? Это он гонит меня...

- Ну, это – конечно. Против бога я не могу, – простодушно согласился Артём и с жалостью посоветовал еврею: – Ты уж терпи!.. Против бога – ничего не поделаешь.

Каин и Артем. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Каин посмотрел на своего заступника и улыбнулся – тоже с жалостью. Так сначала сильный пожалел умного, потом ум пожалел силу, и между двумя собеседниками пронеслось некоторое веяние, немного сблизившее их.

– А ты женатый? – спросил Артём.

– О, у меня большая семья для моих сил, – тяжело вздохнул Каин.

– Ишь ты! – сказал силач. Ему трудно было представить себе женщину, которая любила бы Каина, и он с новым любопытством посмотрел на него, такого хилого, маленького, грязного.

– У меня было пять детей, теперь – четыре. Одна девочка, Хая, всё кашляла, кашляла и умерла. Боже мой... Господь мой!.. И моя жена тоже больная – всё кашляет.

– Трудно тебе, – сказал Артём и задумался.

Каин тоже задумался, опустив голову.

В двери трактира входили старьевщики, подходили к буфету и там вполголоса беседовали с Савкой. Он таинственно рассказывал им что-то, подмигивая в сторону Артёма и Каина, а его собеседники удивлённо и насмешливо поглядывали на них. Каин уже подметил эти взгляды и встрепенулся. А Артём смотрел за реку, в луга... Засвистят там косы, и с мягким шелестом трава ляжет к ногам косарей.

– Артём... я уйду... Вот пришли люди, – шептал Каин, – и они смеются над вами из-за меня...

– Кто смеётся? – очнувшись от грёз, рявкнул Артём, дико поводя вокруг себя глазами.

Но все в трактире были серьёзны и поглощены своим делом. Ни одного взгляда не поймал Артём. И, сурово нахмурив брови, он сказал еврею:

– Врёшь ты всё – занапрасно жалуешься... Этак-то, смотри, не игра! Ты жалуйся тогда, когда есть против тебя вина. Али ты, может, пытаешь меня, нарочно сказал?

Каин болезненно улыбался в лицо ему и не отвечал. Несколько минут оба они сидели молча. Потом Каин встал и, надев на шею свой ящик, приготовился идти. Артём протянул ему руку:

– Идешь? Ну иди, торгуй... А я посижу ещё тут...

Обеими своими ручонками Каин потряс громадную лапу своего защитника и быстро ушёл.

Выходя на улицу, он зашёл за угол, остановился там и стал выглядывать из-за него. Ему была видна дверь трактира и не пришлось долго ждать. Скоро в этой двери, как в раме, явилась фигура Артёма. Брови у него были нахмурены и лицо такое, как будто Артём боялся увидеть что-то неприятное ему. Он долго и пристально рассматривал людей, толпившихся в улице, а потом его лицо приняло обычное, лениво-равнодушное выражение, и он пошёл сквозь толпу, туда, где улица упиралась в гору, – очевидно, на свое любимое место.

Каин проводил его тоскливым взглядом и, закрыв лицо руками, упёрся лбом в железную дверь кладовой, около которой стоял...

Веская угроза Артёма возымела своё действие: её испугались, и еврея перестали травить.

Каин ясно видел, что в терниях, сквозь которые он шёл к своей могиле, шипов стало меньше. Люди как будто перестали замечать его существование. По-прежнему он юрко шнырял между них, возглашая свои товары, но ему уже не наступали на ноги нарочно, как это бывало раньше, не толкали его в сухие бока, не плевали в его ящик... Хотя прежде не смотрели на него так холодно и враждебно, как стали смотреть теперь..

Каин и Артем. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Чуткий ко всему, что его касалось, он заметил и эти новые взгляды и спросил себя – что они значат и чем грозят ему? Он вспоминал, что прежде, хотя и редко, с ним заговаривали дружелюбно, порой справлялись о ходе его дел, а иногда даже шутили, и порой не зло шутили...

Каин задумывался, чутко слушал и зорко смотрел. Однажды его ушей коснулась новая песня, сложенная Драным женихом, трубадуром улицы. Этот человек добывал свой хлеб музыкой и пением; инструментом ему служили восемь деревянных столовых ложек: он брал их между пальцев и бил ими себя по надутым щекам, по животу, перебирая пальцами, ударял ложками друг о друга получался аккомпанемент речитативу куплетов, которые он сам же слагал. Если эта музыка была мало приятна, так зато она требовала от исполнителя ловкости фокусника; ловкость же во всех видах ценилась публикой улицы.

И вот однажды Каин наткнулся на группу людей, среди которой жених, вооружённый своими ложками, бойко говорил:

– Эй, господа честные, арестанты запасные! Играю свежую песню, только что испёк, – горячий кусок! Давай по копейке с рыла, а у кого рожа – с того дороже! Начинаю!

Влезет солнышко в окошко

Люди ему рады!

А вот если влезу я...

– Это слышали! – воскликнул кто-то из публики.

– Знаем, что слышали! Да я тебе пирога прежде хлеба даром-то не дам! объявил жених, стучая ложками и продолжая напевать:

Ой, горько мне живётся!

Плохо я удался.

Тяжку с братом повесили,

А я оборвался!..

– Жаль! – заявила публика.

Но копейки жениху сыпали, ибо знали, что это добросовестный человек, и если он обещал новую песню, так уж даст её.

– Вот она новая, дубина еловая!

И ложки затрещали частой задорной дробью:

По-ознакомился бык с пауком,

Познакомился жид с дураком,

На хвосте носит бык паука,

Продаёт бабам жид дурака.

Эй вы, тётки...

– Стоп машина! Господину Каину почтение колом по шее! Изволили слушать песню, купец? Не для вас сложена – проходите вашим путём!

Каин рассыпал перед артистом свои улыбки и ушёл прочь от него, предчувствуя что-то.

Ценил он эти дни и боялся за них. Каждое утро он приходил в улицу, твёрдо уверенный, что сегодня у него никто не посмеет отнять его копеек. Глаза его стали немножко светлее и покойнее. Артёма он видел каждый день, но если силач не

Каин и Артем. Максим Горький gorkiymaxim.ru
звал его, Каин не подходил к нему.

Артем же редко подзывал его, а подозвав, спрашивал:

- Ну что - живёшь?

- О, да! Живу... и благодарю вам! - радостно блестя глазами, говорил Каин.

- Не трогают?

- Разве они могут против вас! - со страхом восклицал еврей.

- Ну - то-то!.. А коли что - скажи.

Он угрюмыми глазами измерял фигурку еврея и отпускал его.

- Иди, - торгуй!

Каин быстро отходил прочь от своего защитника, всегда ловя на себе насмешливые и злые взгляды публики, взгляды, пугавшие его.

Однажды под вечер, когда Каин уже хотел идти домой, он встретил Артема. Красавец, кивнув ему головой, поманил к себе пальцем. Каин быстро подбежал к нему и увидел, что Артем мрачен и хмур, как осенняя туча.

- Кончил торговать-то? - спросил он.

- Уже хотел уходить домой...

- погоди, - пойдём-ка, поговорю я тебе что-то! - глухо сказал Артем.

И двинулся вперёд, громадный, тяжёлый, а Каин пошёл сзади него.

Они вышли из улицы, повернули к реке, где Артем нашёл укромное место под обрывом у самых волн.

- Садись, - сказал он Каину.

Тот сел, искоса, боязливо поглядывая на своего защитника. Артем согнул спину и стал медленно крутить папиросу, а Каин смотрел на небо, на лес мачт у берега, на спокойные, застывшие в тишине вечера волны и соображал, о чём будет говорить силач.

- Ну что, - спросил Артем, - живёшь?

- Живу, о! я теперь не боюсь...

- погоди! - сказал Артем.

Он долго и тяжело молчал, попыхая папиросой, тогда как еврей ждал его речи, полный смутных и боязливых предчувствий.

- Н-да... Ничего, не обижают?

- О, они боятся вас! Они все - как собаки, а вы - как лев! И я теперь...

- погоди!

- Н-ну? И что вы хотите мне сказать? - с трепетом спросил Каин.

- Сказать-то? Это не просто.

- что же оно такое?

- А!.. видишь ты - будем говорить прямо. Сразу и - всё!

- Ага!

- И я тебе должен сказать, что больше я - не могу...

- Что? Что не можете?

- Ничего! Не могу! Противно мне... Не моё это дело... - вздохнув, сказал Артём.

- Что же? Не ваше дело - что?

- Всё, это... ты и - всё!.. Не хочу я больше тебя знать, потому - не моё это дело.

Каин съёжился, точно его ударили.

- И, ежели тебя обидят, ты ко мне не иди и не жалуйся мне... я в защиту не пойду. Понимаешь? Нельзя мне это...

Каин молчал, как мёртвый.

Артём, выговорив свои слова, свободно вздохнул и продолжал яснее и более связно:

- За то, что ты меня тогда пожалел, я могу тебе заплатить. Сколько надо? Скажи - и получи. А жалеть тебя я не могу. Нет во мне этого... я только ломал себя, - притворялся. Думал - жалею, ан выходит - так это, один обман. Совсем я не могу жалеть.

- Потому что я - жид? - тихо спросил Каин.

Артём сбоку посмотрел на него и сказал:

- Что - жид? Мы все - жида пред господом...

- Так почему? - тихо спросил Каин.

- Да не могу! Понимаешь, нет у меня жалости к тебе... Ни к кому нет... Ты это пойми... Другому бы я и не сказал этого, а просто бы р-раз ему по башке! А тебе говорю...

- "Кто восстанет за меня против злобствующих? Кто постоит за меня против лиходеев?" - тихо спросил еврей словами псалма.

- я -- не могу! - отрицательно мотнул головой Артём. - Не жаль мне тебя... А за то - я лучше заплачу деньги...

- "О, мстящий боже! Предвечный бог возмездий, воссияй, вознесись, судия земли..." - молился Каин, съёжившись в маленький комочек.

Летний вечер был тих и тёпел. Грустно и ласково отражала вода реки лучи заката. С обрыва на Каина и Артёма упала тень.

- Ты подумай, - убедительно и грустно говорил Артём, - какая моя задача теперь? Ты вот этого не понимаешь... а я - я должен за себя стать... они меня как избивали? Помнишь?

Он скрипнул зубами и завозился на песке, а потом лёг на спину, протянув ноги к воде и закинув руки за голову.

- Я теперь всех их знаю...

- Всех? - спросил Каин убито.

- Всех! Теперь я начну с ними расчёт... И ты мне мешаешь...

- Чем я могу мешать? - воскликнул еврей.

- Не то, чтобы мешать, а такое дело - озлобился я против всех людей. Вот оно что... Ну и, стало быть, ты мне теперь - лишний. Понял?

- Нет! - кротко объявил еврей и тряхнул головой.

- Не понимаешь? Экой ты какой! Тебя жалеть надо - так? Ну, а я теперь не могу жалеть никого... Нет у меня жалости...

И, толкнув в бок еврея, он добавил:

- Совсем нет. Понял?

Наступило долгое молчание. Вокруг собеседников, в тёплом и пахучем воздухе, плавали всплески волн и какие-то глухие, охающие звуки, приносившиеся издалека, с реки, сонной и тёмной.

- Что же мне теперь делать? - спросил, наконец, Каин, но ответа не дождался, потому что Артём задремал или задумался о чём-то. - Как я буду жить без вас? - громко сказал еврей.

Артём, глядя на небо, ответил ему:

- А уж ты это сам подумай...

- Боже мой, боже мой!..

- Ведь это тоже не скажешь сразу - как жить, - лениво говорил Артём.

Сказав то, что хотел, он сразу стал ясен и спокоен.

- А ведь я знал это!.. Ещё тогда, когда шёл к вам, избитому, то уж знал, что не можете вы заступаться за меня долго...

Еврей умоляющими глазами посмотрел на Артёма, но не встретил его глаз.

- Вы, может быть, потому, что смеются они над вами за меня? - спросил Каин осторожно и чуть не шёпотом.

- Они-то? А что мне - они? - открыв глаза, усмехнулся Артём. - Ежели бы я захотел, то посадил бы тебя на плечи, да и носил по улице. Пускай смеются... А только ни к чему это... Надо всё делать по правде... Чего в душе нет - так уже нет... И мне, брат, прямо скажу, - противно, что ты такой... Вот как выходит.

- Ах!.. Верно! Ну и что я теперь?! уходить?

- Иди, пока светло... Не тронут ещё пока! Ведь нашего разговора никто не знает...

- И вы не говорите никому, а? - попросил Каин.

- Ну - известно! А ты всё-таки не лезь мне на глаза часто...

- Хорошо, - тихо и грустно согласился еврей и встал на ноги.

- Тебе бы лучше в другом месте где торговать, - равнодушно сказал Артём. - А то тут - строго жизнь держат...

- Куда же я пойду?

- Ну уж... как знаешь...

- Прощайте, Артём.

- Прощай, брат!

И он, лёжа, протянул еврею руку и стиснул своими пальцами его сухие кости.

- Прощай. Не обижайся...

- Я не обижаюсь, - подавленно вздохнул еврей.

- Ну вот... Ведь этак-то лучше, сам посуди... Больно ты - не для меня товарищ...

Каин и Артем. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Разве мне для тебя жить? Не идёт это...

- Прощайте!

- Ну иди...

Каин пошёл берегом реки, опустив голову на грудь и сильно сгорбившись.

Красавец Артём повернул голову вслед ему и через несколько секунд снова улёгся в прежней позе, лицом к небу, уже тёмному от близости ночи...

В воздухе рождались и таяли странные звуки. Река плескалась о берег однообразно, печально и тоскливо.

Каин, пройдя шагов пятьдесят, вернулся снова, подошёл к могучей фигуре Артёма, распростёртой на земле, и, остановясь перед ней, тихо и почтительно спросил:

- А может, вы иначе подумаете?

Артём молчал.

- Артём? - позвал Каин и долго ждал ответа.- Артём? Может, всё это так себе вы?
- повторил еврей дрожащим голосом. - Вспомните, как я тогда вас... а? Артём?!
Никто не пришёл, а я пришёл...

В ответ ему раздался слабый храп.

...Каин ещё долго стоял над силачом и всё всматривался в его безжизненно красивое лицо, смягчённое сном. Богатырская грудь вздымалась ровно и высоко, чёрные усы, шевелясь от дыхания, открывали блестящие, крепкие зубы красавца. Казалось, он улыбался...

Глубоко вздохнув, еврей ещё ниже склонил голову и снова пошёл по берегу реки. Весь трепещущий от страха пред жизнью, он шёл осторожно, - в открытых пространствах, освещённых луной, он умерял шаг, вступая в тень - крался медленно...

И был похож на мышонка, на маленького трусливого хищника, который пробирается в свою нору среди многих опасностей, отовсюду грозящих ему.

А уж ночь наступила, и на берегу реки было пустынно...

1898 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!